

С голубого конверта от пластинки на меня смотрит молодой Федерико Гарсиа Лорка. Одухотворенное лицо с большими пытливыми глазами из-под бровей взлет. На пластинке — испанские народные песни в его обработке для голоса и фортепиано. А исполняет их Хосефина Итурраран. Хосефина — не профессиональная певица, она преподаватель испанского языка. Но любовь к произведениям Лорки, страстное желание, чтобы о нем знали как можно больше людей, ностальгия по своей родине — Стране Басков — превратили эту дочь погибшего республиканца в неустанного пропагандиста творчества Лорки, и это она считает своим священным долгом.

Недавно газета города Сан-Себастьяна опубликовала большую статью о Хосефине. Ее автор Глория Абанда пишет: «В ее паспорте указано, что цель поездки «частная», однако Хосефина Итурраран, оторванная от родины, но никогда не терявшая своих корней, приехала, чтобы не только свидеться с родственниками, но с мечтой осуществить задуманную ею культурную миссию. Это стремление заставило Хосефину взять из Москвы объемистый пакет. Приехав в Сан-Себастьян, она отправилась домой в Москву телеграммой: «Мы с Федерико Г. Лоркой благополучно прибыли».

Итак, что же это за культурная миссия, которую взяла на себя Хосефина? Что побудило ее к этому? Разговор об этом мы начали с ее детства.

ПРОШЛО пятьдесят лет с тех пор, но тот день отъезда из Испании я вижу не просто четко, а даже в красках. Погиб отец, и мать определила меня в дом для детей сирот, с которыми я и выехала в СССР. Мои учителя из монастырской школы были поражены, что я осмелилась ехать в страну, где, как они считали, холодно и голодно. С собой я взяла маленький чемоданчик и любимую куклу, с которой просто не могла расстаться. Правда, потом, в 1943 году, оказавшись в эвакуации в Самарканде, я обменяла ее на большую лепешку. И, только уже проглотив ее, подумала: «Что же это ты, Хосефина, поменяла друга на кусок лепешки!» С тех пор я никогда не поступала подобным образом.

...Но это было позже. А сначала мы плыли на огромном пароходе «Гавана». И вдруг появился франкистский военный корабль. Теперь я знаю, что самое страшное на свете. Это когда несколько тысяч детей, испуганно сбившись в кучу, кричат и плачут, умоляя не топить их судно. Слава богу, нам удалось избежать худшего. Уже во Франции мы узнали, что наш родной Бильбао пал, там хозяйничали фашисты. Выходит, мы еле-еле успели.

И вот Ленинград. Вспоминаются июньские белые ночи... После смерти отца, расставания с матерью и братом я очутилась словно в сказке. В Ленинградском порту нас встречала огромная толпа. Люди кричали нам по-русски и по-испански. Приветствовали нас республиканским жестом — рукой, сжатой в кулак. Задаривали подарками, стремились забрать к себе домой. Такого сердечного тепла, буквально затопившего нас, забыть невозможно.

Это был тот самый печально известный 37-й год, обрушившийся на Советскую страну, переломавший многие судьбы. Мы, испанские дети, конечно, поначалу ни о чем не догадывались. Но однажды в Одессе наш директор, который преподавал историю, собрал у нас вечером учебники, а утром в них оказались вымараны портреты Тухачевского, Блюхера и других «врагов народа»... Возвращая учебники, директор не смотрел нам в глаза, но мы и так поняли, как глубоко страдает человек, которого мы успели полюбить.

И все-таки, скажу откровенно, не это было для нас в то время определяющим. Мы открывали для себя ежедневное, ежечасное доселе неведомый мир. Подлинным потрясением было, когда меня первый раз в жизни осматривал врач. Я ведь из очень бедной семьи, и докторов не видала в глаза. Мне также очень понравилась русская баня — ведь дома-то мы мылись в тазике «по частям». Но самое поразительное было, когда нам говорили, что пора спать, а за окном светло. Мы никак не могли понять, как можно спать, если нет ночи.

Еда оказалась тоже необычной. К тому же я обнаружила, что в Ленинграде иной вкус воды. Другим открытием было что-то черное крупинками. Оказалось, икра, которую никто из нас не видал. Словом, каждый день приносил какое-нибудь открытие.

Иногда меня спрашивают: а что, Хосефина, у тебя две родины? Нет, у человека есть только одна родина. Но ощущение потерянной родины заставило нас особенно внимательно и зорко всмотреться в страну, которая нас приняла. И вот что я скажу: несмотря на то, что вокруг было много печального, а порой даже трагичного, особенно когда пришла война, мы, испанские дети, были всегда на особом положении. Нам отдавали последнюю рубашку, последний кусок хлеба.

Я часто думаю, почему так мало и скупо написано об этом, о щедрости и душевной теплоте советских людей, сделавших все, чтобы мы выросли настоящими людьми: прежде всего и испанцами, и одновременно интернационалистами. Это была очень мудрая политика. Нас действительно всех до одного, готовы были разобрать советские люди по своим семьям. Но нас распределили по детским домам, чтобы мы не разлучались, чтобы сообща любили и помнили свою родину. И что поразительно: не успели мы приехать в свой детский дом в

Одессе, а для нас уже были готовы учебники, переведенные на испанский язык. У нас были замечательные преподаватели из бойцов-республиканцев. Они рассказывали нам об Испании, поддерживали в нас стремление остаться испанцами и служить идеям революции.

Тогда люди очень любили петь. Я тоже сразу стала петь. Сначала испанские песни, а потом и русские. Первой и оттого самой любимой и сегодня остается «Дан приказ ему на запад...»

Да, мы горя не замечали. Мы отдыхали в лучших санаториях Крыма. Я посылала домой на сражающуюся родину письма и рисунки о нашей жизни. Один из них — срисованный с портрета Ленина — был даже опубликован в Барселоне. Как все-таки важно, чтобы рядом с ребенком находились люди, способные сделать его счастливым. Это нередко формирует и определяет всю его дальнейшую судьбу. У нас такие люди были. Однажды к нам приехал знаменитый полярник Папанин. Он подарил нам торт, похожий на огромную дрейфующую льдину: на ней шоколадные человечки и красный флаг.

Три года в Одесском детском доме — это три года огромного счастья, постоянного сознания, что рядом с тобой добрые и умные друзья и защитники. В Одессе, на Дерибасовской, установили огромную карту Испании, на которой отмечался ход военных действий. Здесь, помнится, всегда было

людно. Когда я пела испанские песни и «Дан приказ...» в Одесском театре оперы и балета, мне аплодировали так, что люди шутили: не обвалился бы потолок. В 1939 году нас повезли в Москву на экскурсию, а затем нас принимал товарищ Шверник. Мне поручили выступить и, если он спросит, есть ли у нас какие-нибудь просьбы, сказать, что нам нужно фортепиано. Но в комнате, где проходила встреча, было столько конфет и всяких сладостей, что, потрясенная угощением, я все забыла. Однако Шверник все-таки как-то узнал о нашей мечте и прислал фортепиано.

Да, родина у меня одна. Там мои корни. Но всем хорошим, что я получила в этой жизни, я обязана Стране Советов, замечательным людям, окружающим меня. Конечно, меня тянет на родную землю, но, приехав туда, я через неделю-две начинаю тосковать по Москве, по своим близким, по работе, которую люблю. И я хотела бы сказать тем, кто покидает свою страну в поисках удачи и житейских благ, если сейчас вам кажется, что все сложилось хорошо, эта иллюзия быстро рассеется. Пройдут годы, а тоска по родной земле будет вас грызть, вы станете ловить каждого, кто говорит по-русски. И вот тогда, когда уже вряд ли что можно исправить, вы осознаете простую истину: нас у Родины много, а она у каждого одна...

Если я стала педагогом, то огромную роль в моем выборе сыграла первая учительница русского языка и литературы

Корни дуба из Герники

Екатерина Ивановна. Она была человеком с поэтической, тонкой душой. Какими тайнами она владела, если, читая нам на уроке «Дубровского», плакала, и мы плакали с ней вместе. И что удивительно: нам было все понятно, хотя русский мы знали тогда еще очень плохо.

...Когда я приезжаю в Испанию, то мой брат — водитель (образование получить не смог, поэтому очень гордится моими двумя высшими) — ведет меня в бар, представляет своим товарищам: «Это моя сестра из России. Она может ответить на все вопросы...».

В течение 37 лет я преподаю испанский язык. Много пела и играла в театре для своих соотечественников. Песни в основном народные. Я удивляюсь, откуда их знаю, ведь уезжала же совсем маленькой. Может быть, они у меня в генах? Я пела их своим ученикам, и если многие из них стали очень хорошими специалистами, то, значит, я сумела дать им что-то, помимо языка, как когда-то дала мне это «что-то» Екатерина Ивановна.

Мне вообще везло на хороших людей. Я застала удивительное поколение коммунистов, людей с большой буквы. Одним из них была Надежда Константиновна Крупская. В детском доме мы с ней переписывались, и однажды мне поручили написать ей и попросить разрешения назвать наш детский дом ее именем. И вот пришел ответ. Это было очень нежное письмо с добрыми словами. А вскоре она прислала нам посылку. Что же в ней было? Жена Владимира Ильича сама связала испанским детям пуховые рукавички и носочки. Я часто размышляю над этим эпизодом и представляю себе, как, уставшая и одинокая, она вяжет петлю за петлей... Можно ли такое забыть?

Вот изо всей этой суммы детских впечатлений у меня со временем созрела мысль: сблизить Испанию и Советский Союз. Ведь эти две страны и культуры одинаково дороги моему сердцу. Моя пластинка появилась к 50-летию приезда испанских детей в СССР. Когда я узнала, что тираж почти мгновенно разошелся, я сказала себе: «Прекрасно, значит, она нужна людям. Возьму ее с собой в Испанию». А потом в Доме дружбы состоялась встреча, посвященная Федерико Гарсиа Лорке. Я сидела и слушала прекрасные выступления лоркистов — Наталии Малиновской, Мирона Вайсборда, замечательного знатока испанской музыки, великолепные поэтические переводы такой высокой квалификации, что, слушая, к примеру, Анатолия Гелескула, кажется, что имеешь дело с оригиналом.

ТОГДА я и подумала, а имею ли я право взять только свою пластинку, если было и есть немало людей, влюбленных в испанскую культуру и талантливо пишущих о ней? Это и ныне покойные академик Г. Степанов, Ф. Келлин, О. Савин, которые занимались испанской литературой десятилетиями. Я поняла, что испанцам надо рассказать об этих людях. За неделю я собрала книги и материалы о Лорке, переводы его стихов на русский язык. Вот теперь среди этих книг моя пластинка выглядела более уместно. Мирон Абрамович Вайсборд, помню, сказал:

— Хосефина, это у меня последний экземпляр книги.
— Прекрасно, — ответила я, — именно этой книге и место в испанском музее Гарсиа Лорки.

Вручая все это в Мадриде Фонду Федерико Гарсиа Лорки, я сказала, что это только первый дар. Что я могла бы привезти еще целый вагон литературы о Лорке и его изданий в Советском Союзе. Я сказала, что Лорка — очень любимый в СССР испанский писатель, но не единственный. Здесь хорошо знают и Антонио Мачадо, Бласко Ибаньеса, Рамона Вал-е-Инклана. Когда же я стала называть тиражи их сочинений — 100, 200 тысяч, то в зале раздавался коллективный вздох изумления. «Если бы даже Лорку издали тиражом 500 тысяч, то все равно бы книга исчезла с прилавков через несколько часов», — сказала я им.

А до этого было так. Я ехала в Мадрид со своим тяжелым ящиком, совершенно не представляя, как и кому я буду его вручать. Но встретившие меня мои товарищи, тоже долго вившие в Советском Союзе, сказали:

— Не волнуйся. Мы позвоним сестре Лорки Исабель, и все устроится.

Не прошло и часа, как они связались с Исабель, и она пригласила меня к себе. Это очень большой знак доверия у испанцев. Я была счастлива еще и потому, что мне хотелось проникнуться духом семьи Федерико.

— Вы понимаете, Исабель, — сказала я ей, — я смотрю на вас и вспоминаю фотографию, где Федерико держит вас маленькую на коленях.

— Ты и это знаешь? — взволнованно воскликнула Исабель.
— Да, она стоит у меня дома в Москве.

Потом я увидела фортепиано Федерико. На нем, быть может, он играл те песни, которые я пела. Позже в здании фонда Исабель устроила торжественную церемонию приема моих даров. Когда я вручала их, то сказала, что наступило хорошее время для сближения наших культур. Мое пребывание совпало с приездом туда Э. А. Шеварднадзе и его переговорами с министром иностранных дел Испании Ф. Фернандес Ордоньесом.

— Мы можем сделать очень много хорошего, обмениваясь культурными ценностями, — сказала я и привела слова короля Испании Хуана Карлоса, который заявил недавно, что «культура — это дело всех».

На приеме полшутливо-полусерьезно прозвучало: «Хосефина, мы объявляем тебя послом фонда Лорки в Советском Союзе». А почему бы и нет, подумала я. Ведь это и есть та самая народная дипломатия, которая самым искренним, самым непосредственным путем сближает людей из разных стран. Во-первых, надо сделать все, чтобы в Испании лучше знали советских лоркистов. Во-вторых, в этом году писателю исполнилось бы 90 лет, и следует приложить все силы, чтобы празднование этой даты стало фактом советско-испанской дружбы. Тем более что Исабель сообщила мне очень важную новость. Оказывается, недавно у одного из друзей Федерико — художника из Сарагосы — найдены документы, подтверждающие, что Лорка был секретарем Ассоциации друзей Советского Союза. Это значит, что поэт не только симпатизировал Советскому Союзу, мечтал приехать к нам, а что он практически работал на укрепление нашей дружбы. И когда я, бывая в Ассоциации «Испания — СССР», вижу на стене портрет его первого почетного председателя Рамона Валье-Инклана, я думаю, что здесь, рядом, должен по праву висеть портрет Федерико.

И еще мне кажется, что 90-летие Лорки — очень хороший повод, чтобы пригласить в СССР Исабель Гарсиа Лорку. Я знаю о ее заветном желании побывать в стране, где так любил и чтит ее брата.

А совсем недавно я получила письмо от Исабель. Вот оно: «Дорогой друг!

Какое волнение испытали мы с Вами при мысли о том, что, прожив наши жизни так далеко друг от друга, мы после этой встречи, всего за несколько минут, почувствовали, что между нами возникла дружба, которая будет плодотворной и будет обогащать нас, потому что она началась на почве общей любви и интереса к творчеству моего брата Федерико.

Разумеется, этим письмом я обращаюсь также ко всем друзьям Лорки в Советском Союзе. Я бы хотела надеяться, что сейчас развернется сотрудничество советских лоркистов с Фондом Федерико Гарсиа Лорки. Наша организация с радостью примет ваши пожелания. Со своей стороны мы готовы сотрудничать с вами, насколько это позволит наши возможности.

Хочу поблагодарить Вас за прекрасные слова, с которыми Вы обратились к нам во время Вашего, столь приятного для нас визита в Фонд, за интересные книги, которые Вы преподнесли нам в дар, с которыми мы были незнакомы и которые обогатят нашу библиотеку. Спасибо за Вашу замечательную пластинку с народными песнями, собранными и обработанными Федерико. Вы исполнили их с такой подлинностью и с такой проникновенностью, которые трудно встретить в испанских записях этих песен.

За все это, столь важное для нас, большое спасибо. Я прошу Вас передать нашу признательность всем друзьям Федерико Гарсиа Лорки в Советском Союзе.

Любящая Вас Исабель Гарсиа Лорка.

— Все, что я делаю, — это лишь малая часть того, что мне от имени испанцев одной со мной судьбы хотелось бы с благодарностью вернуть народу, который стал для нас родным, — говорит Хосефина. — И мое самое заветное желание — посадить в Москве саженец священного дуба из многострадальной Герники. Чтобы, пустив свои корни на московской земле, он стал символом дружбы народов наших стран, проверенной судьбами таких людей, как я и мои товарищи, обретшие в Советском Союзе свою судьбу.

Записала
Ирина ПИРОГОВА.